

НЕСКОЛЬКО лет назад случай привел меня в Гнездиковский переулок, что по улице Горького, в Москве. У одной из арок я увидел скромненькую афишку: «В помещении Учебного театра. «Мещане», М. Горький. Спектакль IV курса училища им. М. Щепкина». Маленькое, уютное помещение театра. Спектакль уже начался. Шел как положено — «по-горьковски».

Студенты старательно играли: одни робко и застенчиво, другие ухарски-профессионально. И вдруг, словно что-то изменилось в самой структуре спектакля. Появился на сцене старик-птичник Перчихин. Эх-ма, до чего же веселый старичок, — шутики-прибаутки сыплет, как из рога изобилия, и лицо его, удивительно подвижное, излучает простодушную веселость. Вот только глаза... За хитроумной искоркой, что как веселый чертенок носилась в них, нет-нет да и проглянет неожиданно такая тоска, что на душе делается неуютно и печально. И его прощальная песня («Поля Нила полюбила, она мило поступила...»), спетая неестественно бравурным голосом, с поразительной глубиной обнажила тоску души неприкаянного птичника, чем-то напоминающего сараяновского бродягу, «у которого сердце в горах». Голубая мечта Перчихина — уйти в леса, наслаждаться природой, ловить певчих, быть свободным, — превратилась внезапно в такую безысходную грусть, что все замерли и долго-долго после его ухода тонко пела тишина в уютном зале Учебного театра. И было в этой тишине что-то жалобное и бесконечно печальное...

«Перчихин — студент Михаил Стрелков», — значилось в афишке.

После этого много раз я встречал имя М. Стрелкова на афишах: от светловского «Двадцать лет спустя» — спектакля того же студенческого курса — до «Грозы» А. Островского в театре «Красный факел». Каждая встреча все больше убеждала, что способность понять душу роли, которая ярко проявилась в давнем студенческом спектакле, не только окрепла, но и приобрела целый ряд особенностей.

...Искромётный, веселый скоморох словно шар-молния выкатывается на сцену, и... полилась — полилась речь об Иванушке-дурачке и Коньке-горбунке, прекрасной царнице и волшебной Жар-птице. Затаив дыхание, смотрят зрители Новосибирского ТЮЗа сказку, которую рассказывает им веселый Скоморох. Заразительным весельем светится лицо лукавого Скомороха. На нем не заставшая радость разбитного конфетансье, от которой засыпаешь через пять минут. Зритель, глядя на Скомороха, почему-то забывает о том, что это всего-навсего «ведущий спектакля». Это «почему-то» объясняется тем, что Скоморох — сам сказка: в его веселье есть радость и печаль, счастье и грусть. Все это осязаемо и зримо...

Да, Скоморох — Стрелков сам сказка, объемно выраженная словом, жестом, пластикой и взглядом. Достичь этого можно, если талант, природный способности помножить на труд.

Луку в пьесе М. Горького «На дне» (Новосибирский ТЮЗ) Стрелков играл в очередь с В. Гариним. Не буду сравнивать их игру (оба актера справились с ролью великолепно), а ограничусь лишь одним замечанием. Лука Гарина сценически конкретен, его характер разработан с математической точностью и предельной ясностью. Для зрителя Лука Гарина, как определенный характер, до мелочи понятен: тайна сиюминутного рождения образа вынесена актером за рамки спектакля, в репетиционный период.

Лука Стрелкова рождается в самом спектакле. Здесь нет той конкретной законченности, которая вынуждает зрителя в самом начале выяснить свое отношение к герою. Лука Стрелкова становится скользким и неуловимым. Стрелков не случайно делает странника таким: зритель в силу этих качеств персонажа пытается раскрыть тайну характера, внимательно следит за каждым его движением, словом, взглядом. Елейная доброта и затаенная злоба Луки проявляются в той или иной сцене подспудно. Артист уловил в Луке нарушение внутренней связи слова и жеста, заложенное в самом драматургическом материале, наличие которого сделало Луку самой спорной фигурой в пьесе М. Горького.

И опять встает передо мной лицо старика-странника. Но как оно деформировалось, как отличается от лица Перчихина, полного веселой грусти и тоски. Тот же чертенок в глазах, но сколько в нем колючести и злости. Лука часто отводит взгляд от собеседника, пытается прикрыть этот нехороший огонек белесыми

ИСПЫТАНИЕ СЦЕНОЙ

Заметки об актере

веками, обмануть елейно-сладким голосом. Дисгармония слова и поступка проявляется у актера в едва заметном для партнеров, но хорошо заметном для зрителя, взгляде, и добродушный внешне старичок приобретает злое вид. В конце спектакля мы убеждаемся, что именно стараниями Луки доведен до самоубийства Актер, арестован Васяка Пепел, погублена Наташа, окончательно добиты Барон и Настя.

Сейчас М. Стрелков — в «Красном факеле». В одном сезоне у него семь ролей. Актер играет героев, близких ему по возрасту и совершенно отличных по характеру.

Я сказал «ролей»... Это не совсем верно. Эпитет «маленькие» намертво припаян к ним. Здесь почти бессловесные персонажи, как Игрок в бридж в пьесе В. Дельмара «Уступи место завтрашнему дню», как Шудман в пьесе Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны». И более «разговорные» — Алексей Васильцов в спектакле «Мое сердце с тобой» Ю. Чепурина, Елкин в погдинском «Моем друге» и т. д.

Стрелков мечтает о крупных ролях, да и какой актер не мечтает об этом! Две большие роли в пьесах М. Горького, сыгранные им ранее, позволяют актеру судить о своих сценических возможностях, но пока его творческое «вооружение» — маленькие роли.

...У каждого персонажа есть своя сценическая биография, которая складывается на глазах у зрителя. Большая роль в этом отношении дает богатый материал для показа характера героя в развитии. Здесь есть чем оперировать. Маленькая же роль кратковременная (сцена или, в лучшем случае, эпизод). К тому же, она во многом зависит от основных героев, определяющих ход спектакля. Если главный герой подготавливает себя к основному

событию в непосредственном контакте с партнерами, то «маленький» словно комета врывается в событийную ситуацию. Это трудная задача — выйти на сцену не для начала, а для продолжения сценической жизни, причем не нарушая стиля спектакля.

Это убеждение — плод долгих размышлений и определенной сценической практики. Возьмем Шудмана из пьесы Ю. Семенова. В двух крошечных сценках артист сумел раскрыть трагедию маленького человека, задавленного стальной машиной фашизма. И как точно вписывается Шудман в ансамбль спектакля! Его заклочительное «хайль» звучит до того жалобно, что раздавшийся было в зале смех подавляется напряженной тишиной и пристальным вниманием к фигуре шефа гестапо Мюллера, который на фоне маленького Шудмана приобретает не столько грозный (он и так страшен), сколько злое видение. Для каждого бессловесного персонажа М. Стрелков находит острохарактерное и в то же время точное по замыслу пластическое решение. Например, сама фигура Шудмана, его походка, выправка — уже половина характеристики образа. Примечателен в этом отношении и Игрок в бридж из пьесы В. Дельмара. Полурежиматический, плотоядно заглядывающийся на служанку, он входит, опираясь на трость, и создается впечатление, что у этого «донжуанчика» скрипят склеротические суставы.

Там, где роли более «словесные», артист вроде бы меньше уделяет внимания пластическому рисунку. Но это не так. Просто, когда Стрелков использует весь актерский арсенал, то пластика перестает быть превалирующей чертой в характеристике персонажа. Так, Гогин («Варвары») и Васильцов («Мое сердце с тобой») решены уже всем комплексом актерских средств: пластика, интонация, жест, взгляд. Актер, чувствуя глубину драматургического материала, создает характер объемный, показывая в герое не отдельную доминирующую деталь, а совокупность черт, из которых складывается полнокровный сценически верный характер.

Из всего сказанного может сложиться впечатление, что Стрелков, как актер, создан для маленьких ролей. Его творческая судьба складывается пока так, что он от больших работ идет к малым. Вряд ли это закономерность. Артист испытывается сценой. И, по-моему, довольно успешно.

Становление актера проходит различными путями. Но если человек предан театру, если каждая роль для него — творческое открытие, то рано или поздно он скажет свое слово в искусстве. У Стрелкова для этого все дано. Хочется верить, что зрители еще не раз встретятся с этим обыкновенным пареньком, который по вечерам выходит на освещенную сцену и дарит людям частичку своей души.

Н. МАЛЕВ.

Вечерний Новосибирск
г. Новосибирск

9 ФЕВ 1971

218